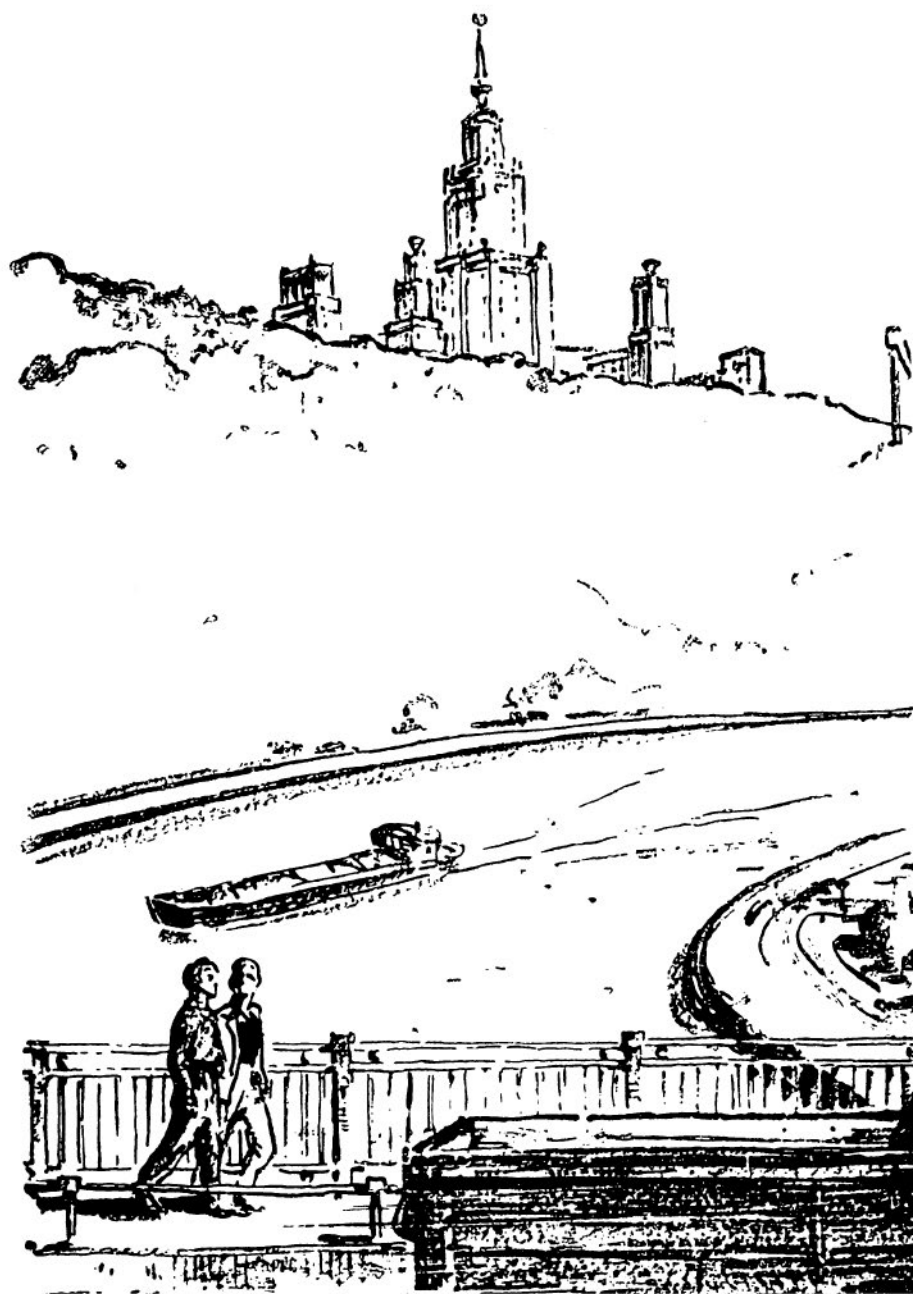
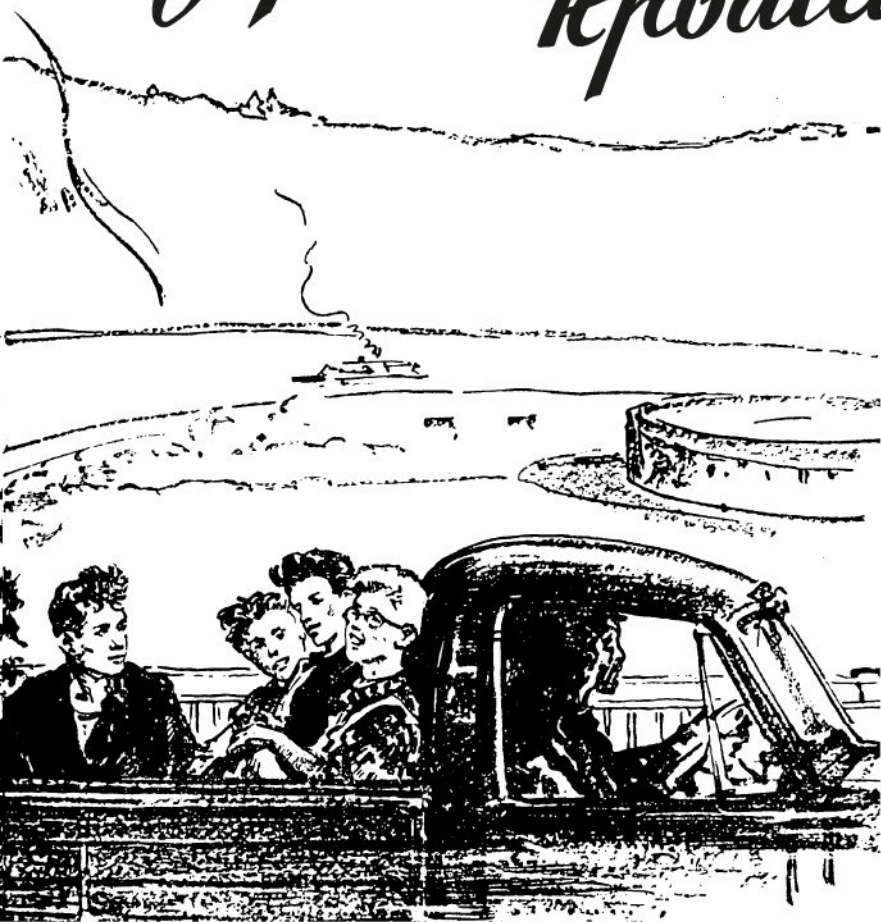

Анатолий Рыбаков

Триключення Крюш

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р 93

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации

Игоря Ильинского (Приключения Кроша),

Рафаила Вольского (Каникулы Кроша),

Ореста Верейского (Неизвестный солдат)

Право использования произведений Рафаила Вольского
предоставлено УПРАВИС, 2026

© А. Н. Рыбаков (наследники), 2026

© И. А. Ильинский (наследники), иллюстрации, 2026

© Р. А. Вольский (наследники), иллюстрации, 2026

© О. Г. Верейский (наследники), иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ISBN 978-5-389-34351-1

Издательство Азбука®

Триключенна Крива

1

Автобаза находится недалеко от нашей школы. На соседней улице. Когда в классе открыты окна, мы слышим рокот моторов. Это выезжают на работу грузовики и самосвалы. Они возят материалы на разные стройки Москвы.

Ночью машины длинными рядами стоят на пустыре. Их охраняет сторож. Завернувшись в тулуп, он спит в кабине. В случае какого-нибудь происшествия его могут сразу разбудить. Могут, например, сообщить ему, что ночью что-нибудь украли.

Днём у ворот автобазы толкуются владельцы легковых машин. У них заискивающие лица: они не умеют сами ремонтировать свои автомобили и хотят, чтобы это сделали рабочие.

Автобаза шефствует над нашей школой. Поэтому в смысле политехнизации наша школа лучшая в районе. Из других школ приходят смотреть наш автокабинет.

Водить машину мы учимся на грузовике ГАЗ-51. Его нам тоже подарила автобаза.

Школьный завхоз Иван Семёнович всегда норовит угнать грузовик по хозяйственным надобностям. Сердится, когда мы выезжаем практиковаться. Кричит, что ему срочно необходимо привезти уголь или ещё что-нибудь.

Несмотря на это, мы отъездили свои двадцать часов. Некоторые ребята даже имеют права на управление автомобилем. Эти права называются «Удостоверение юного водителя». В них написано: «...имеет право на вождение автомашин только на детских автотрассах». Так написано в удостоверении.

Но с этими удостоверениями можно разъезжать по городу. Конечно, если не нарываться на милицию. Впрочем, если не нарываться на милицию, можно ездить без всякого удостоверения.

На автобазе мы проходим производственную практику.

У параллельного класса «Б» — строительная практика. Они работают на строительстве пионерского лагеря в Липках. Там они и живут. Не практика, а дача. А мы должны весь июнь париться в Москве.

Мне эта практика вообще не нужна. У меня нет технических наклонностей. Если меня что и интересует на автобазе, то это поводить машину. Но практикантам не дают руля. И мне здесь делать абсолютно нечего.

Когда мы пришли на практику, директор автобазы сказал:

— Кто будет хорошо работать, может даже разряд получить. Не скажу — пятый. Четвёртый.

Мы стояли во дворе. Директор был массивный человек с тёмным от загара лицом, одетый в синюю рабочую куртку. Я сразу понял, что он бывший шофёр. У всех старых шофёров такие, навсегда загорелые лица. Ведь всю свою жизнь они проводят на открытом воздухе, на ветру и под солнцем. Директор двигался и разговаривал так спокой-

но и медленно, будто всё время сдерживал себя. Это тоже подтверждало, что он бывший шофёр. Со слабыми нервами нельзя водить машину — сразу в аварию попадёшь.

— Чем плохо получить разряд?.. — спросил директор и с надеждой посмотрел на нас. Думал, что мы ужасно обрадуемся услышать про разряд.

Но мы молчали. Мы знали, что на прошлой практике только одна девочка получила разряд. За необыкновенную дисциплину и послушание.

Директор посмотрел на небо, медленным взглядом проводил проходившего мимо слесаря и добавил:

— А кто не хочет работать, пусть прямо скажет, я того моментально освобожу.

Некоторые были бы не прочь смотаться отсюда. Я, например, поскольку у меня нет технических склонностей. Но то, что директор называл «освободить», означало «выгнать». И никто не сказал, что не хочет работать.

Потом вышел главный инженер и повёл нас показывать автобазу. Чтобы мы имели представление о всём хозяйстве в целом.

Это правильно. Если ты являешься частью чего-то целого, то надо иметь о нём представление. Иначе не будешь знать, частью чего ты, собственно говоря, являешься.

Рядом с главным инженером шли Семечкина и Макарова. Они записывали по очереди. Совершенно механически. Когда записывала одна, другая даже не слушала, что говорит главный инженер. Только смотрела ему в рот, будто хотела сказать: «Ах как интересно вы объясняете! Я просто оторваться не могу».

Я ничего не записывал. Приду домой — запишу.

Я шёл на некотором расстоянии от главного инженера. Достаточно близко, чтобы слышать, что он рассказывает, и достаточно далеко, чтобы это не выглядело излишним усердием.

Сзади тянулся длинный хвост ребят. Они осматривали, что им попадалось на глаза, и рассуждали о качествах разных машин. Больше всех рассуждал Игорь. У его брата есть собственный «москвич». Игорь считает себя крупным специалистом в этой области.

А я слушал главного инженера. Всё равно придётся писать отчёт о практике.

Оказывается, автобаза состоит из двух служб: технической и эксплуатации. К технической службе относятся ремонт и вообще уход за машинами. К службе эксплуатации — перевозка грузов на линии.

Техническая служба подчиняется главному инженеру. Служба эксплуатации — начальнику эксплуатации.

Но главный инженер — первый заместитель директора, а начальник эксплуатации — только второй.

Я сразу сообразил, что это неправильно. То, что главный инженер — первый заместитель, а начальник эксплуатации — только второй. Ведь самое важное — это перевозка грузов. Можно было бы для смеха высказать эту мысль. Но если сказать главному инженеру, что его из первых заместителей надо перевести во вторые, то он полезет в бутылку. Он хотя и маленького роста, но у него длинный нос и сердитый голос. Не стоит связываться. Мы закончили осмотр цехов и вернулись во двор. Во дворе стояла «техничка», закрытая машина с фургоном, на которой написано: «Техническая помощь». Я подумал, что хорошо бы мне попасть на эту машину.

Конечно, ребятам с техническими наклонностями повезло. На автобазе есть разные цеха: механический, кузнечный, моторный, агрегатный, электротехнический, сварочный, обойный, малярный, медницкий, жестяницкий и другие. Но меня из всех технических специальностей привлекает только одна — шофёрская. И если я попаду

на «техничку», то буду выезжать с ней на линию. И может быть, шофёр даст мне руль.

Главный инженер провёл нас в кабинет и объявил:

— Теперь я вас распределяю по рабочим местам.

Я спросил:

— Можно нам самим решить, кто куда пойдёт?

— Нет! — ответил главный инженер. — Это будет не педагогично.

Он скосил глаза на бумажку, которая лежала у него на столе под стеклом, и, точно так, как мы отвечаем урок, заглядывая в шпаргалку, пробубнил:

— «Следует также учитывать личные качества учеников. Рассеянному (невнимательному) поручается работа, требующая внимания. Слабовольному — работа, требующая волевых усилий. Робким (замкнутым) — организаторская работа. Ленивым — работа, результаты которой будут сразу видны». — Он посмотрел на нас. — Поняли?

Мы поняли. Нас надо распределить на рассеянных (невнимательных), робких (замкнутых), слабовольных и ленивых.

Я сказал:

— У нас таких нет.

— Каких — таких?

— Рассеянных, невнимательных, слабовольных, робких и замкнутых. Что касается ленивых, то как вы их узнаете?

Этим вопросом я сразу поставил главного инженера в тупик. Выручил его Игорь, брат которого имеет «москвич».

Игорь вообще у нас самая выдающаяся личность. У него бледное лицо. А это считается в нашей школе самым шикарным. Особенно если лицо оттенено чёрными волосами. Голос у Игоря низкий, басовитый, как у завуча. Наша классная руководительница Наталья Павловна всегда ставит нам Игоря в пример. Его поразительную вос-

питанность и трезвый ум. На самом деле Игорь большой дипломат.

Игорь подмигнул нам: мол, не беспокойтесь, сейчас я этого дядю окучу, — и, обращаясь к главному инженеру, почтительно сказал:

— Вячеслав Петрович, вы хотите распределить ребят согласно их склонностям и интересам?

Он уже знает, как зовут главного инженера!

— Вот именно, — обрадовался главный инженер и опять склонился в шпаргалку, — «согласно склонностям и интересам»!

— Тогда позвольте нам это обсудить, — рассудительно проговорил Игорь, — мы каждому наметим цех согласно его склонностям и интересам.

— Что ж, — согласился главный инженер, — ты дело говоришь.

И укоризненно посмотрел на меня. Дал понять, что Игорь говорит дело, а я несу чепуху.

Я давно привык к тому, что Игорь говорит умно, а я глупо, что с ним соглашаются, а со мной нет. И укоризненный взгляд инженера я оставил без всякого внимания. Тем более что он опять вдруг нахмурился:

— Но вы будете мудрить!..

— Нет! — закричали мы. — Мудрить мы не будем.

Мы стали распределяться по цехам.

С теми, у кого были склонности и интересы, дело решилось быстро. Гринько с Арефьевым попросились в электроцех — они электрики и радисты. Полекутин — в моторный. Гаркуша с Рождественским — в малярный, они художники. А Игоря главный инженер взял к себе в техники — так он ему понравился.

Но с теми, кто не имел склонностей и интересов, получилась полная неразбериха. Особенно с девочками. Они все хотели работать вместе, в одном цехе.

Поднялся шум и крик.

Главный инженер хлопал глазами и поворачивался то в одну, то в другую сторону. Я чувствовал, что сейчас всё ему надоест и он распределит нас по-своему.

Тут, к счастью, очередь дошла до меня. Я объявил, что хочу проходить практику в службе эксплуатации.

Главный инженер удивился моему выбору. Но согласился: обрадовался возможности сбавить меня. Я ему сразу не понравился.

Я отправился к начальнику эксплуатации. Это был толстый чёрный человек с мясистыми губами. Ровно час я дожидался, пока он с кем-то ругался по телефону. Даже кончив говорить, он всё время хватался за телефонную трубку.

Я объявил, что явился для прохождения производственной практики. Он был поражён.

— Что они там, с ума посходили?!

И схватился за телефон.

Я испугался, что он позвонит директору, и торопливо добавил:

— Я хочу работать на машине техпомощи.

Он весело засмеялся, даже погладил телефонную трубку.

— Дорогой мой, ты попал не по адресу! Честное благородное слово. Машина техпомощи мне не подчиняется. Она подчиняется главному инженеру.

Вот как я просчитался!

Он начал объяснять мне, что автобаза состоит из двух служб: технической и эксплуатации. К технической службе относятся...

Но я перебил его:

— Извините, я ошибся.

И пошёл обратно, к главному инженеру. С мрачным видом он сидел один в своём кабинете, за большим письменным столом. Я ему объяснил, что в службе эксплуатации для меня подходящей работы нет.

— Эге, брат, — сказал главный инженер, — ты, я вижу, порядочный вольтник!

И без дальнейших разговоров послал меня в цех профилактики, или, как его здесь просто называют, гараж.

2

И всё же нам здорово повезло, мне и Шмакову Петру. Он тоже попал в гараж.

Те, кто работал в мастерских, имели дело с частями автомобиля. Мы в гараже — с автомобилем в целом. Здесь его моют, смазывают, регулируют, делают текущий ремонт и профилактику. Слесари сами перегоняют машины с места на место, даже выезжают на улицу пробовать, как действуют тормоза. И у нас со Шмаковым Петром была полная возможность попрактиковаться за рулём.

— Как ты думаешь, Шмаков, — спросил я Петра, — дадут нам здесь поездить?

Он подумал и ответил:

— Дадут.

Он всегда думал перед тем, как ответить.

— Для этого надо что-то делать, — сказал я.

— Успеем.

— Так вся практика пройдёт, — настаивал я.

— Надо приглядеться, — сказал Шмаков Пётр.

Но сколько мы ни приглядывались, никто и не думал давать нам руль. Отношение к нам было самое безразличное. Даже равнодушное.

Самостоятельной работы нам не давали — боялись. Дело здесь ответственное. Из-за недовёрнутой гайки может случиться авария. И даже катастрофа. Катастрофа — это та же авария, только с человеческими жертвами.

И работали мы медленно. А слесари не могли ждать: они выполняли график, у них был план.

По правде сказать, я и сам был не очень-то заинтересован в этой работе. Но болтаться без дела, когда вокруг тебя работают, неудобно.

Уж раз я попал сюда, то не желаю, чтобы на меня смотрели как на бездельника и дармоеда.

Мы здесь были на подхвате. Сходить куда-нибудь. Что-нибудь принести. Сбегать на склад или в мастерские. Подержать инструмент, посветить переносной лампой, промыть части...

Хорошо, когда достанется мыть машину целиком, во дворе, под брандспойтом. Совсем другое дело! Струя так и бьёт! Направляешь её то в одно место, то в другое, грязь большими комками отваливается и падает в канаву. От кузова идёт пар, вода быстро испаряется под лучами июньского солнца. И когда машина, свежая, блестящая, сходит с помоста, видишь результаты своего труда.

Но такая приятная работа перепадала нам редко. Мы работаем утром, а машины моют вечером, когда они возвращаются с линии.

Видно, нам со Шмаковым не так уж повезло. Тем, кто работал в мастерских, пожалуй, повезло больше. Мастерские работали в одну смену, и наши ребята имели дело с одними и теми же людьми. Они привыкли к этим людям, и люди привыкли к ним.

А гараж работал круглосуточно, в три смены. И мы со Шмаковым Петром имели дело с разными бригадами.

Когда на третий день пришла бригада, с которой мы работали в первый день, они нас даже не узнали, они совершенно забыли про нас. Смотрели на нас с удивлением: «Как, разве вы всё ещё здесь?!»

Они даже не знали наших имён. Шмаков Пётр выглядел старше меня, и они его называли «парень». «Эй, парень, а ну-ка, парень!» Мне они говорили сначала «пацан». «Эй, пацан, а ну-ка, пацан!» А когда они услышали, как ребята зовут меня Крош, они тоже стали называть меня Крош, а некоторые даже Кроша... «Эй, Кроша, а ну-ка, Кроша!» Они думали, что меня так называют из-за моего невысокого роста. На самом деле Крош — это сокращённое прозвище от моей фамилии — Крашенинников. В школе всегда сокращают фамилии, тем более такую длинную, как моя. Вот и получилось «Крош». А рабочие в гараже придавали этому прозвищу другой, унижительный для меня оттенок.

В общем, наше положение никак меня не устраивало. При таком положении нам никогда не доверят руля.

Я поделился своими мыслями со Шмаковым Петром. Он ответил: «Сиди спокойно».

Шмакову Петру хорошо так говорить. С его характером можно сидеть спокойно. Скажут ему: «А ну, парень, сними болт!» Шмаков Пётр молча берёт гаечный ключ и начинает снимать болт. Ни на кого не смотрит. Кряхтит. Углублён в работу, будто делает невесть что... И все к нему относятся с уважением. Такой у него серьёзный и сосредоточенный вид.

А потом оказывается, что Шмаков снял вовсе не тот болт, который нужно было снять.

Я бы сквозь землю провалился от стыда. А Шмаков ничего... Как ни в чём не бывало начинает всё переделывать. И все считали, что Шмаков работает лучше меня.

Происходило это вот почему. Я не мог просто так, как Шмаков, крутить гайку. Мне надо знать, что это за гайка

и для чего я её кручу. Я должен понять работу в целом, её смысл и общую задачу. Дедуктивный способ мышления. От общего к частному. Шмаков Пётр не задаёт вопросов, а я задаю вопросы. А слесари не хотят отвечать на вопросы. Им некогда. А может быть, не могут ответить на них.

Даже бригадир слесарей Дмитрий Александрович, худой человек в берете, похожий на испанца, сказал мне:

— Ты, университет-эмансипе, поменьше спрашивай.

Я сначала не понял, почему он так меня назвал. Потом оказалось, что у Чехова есть рассказ «Святая простота». К священнику, куда-то в провинцию, приезжает сын, известный адвокат. И отец-священник называет сына-адвоката «университет-эмансипе».

Очень приятно, что бригадир слесарей Дмитрий Александрович ходит в берете, похож на испанца и так хорошо знает Чехова. Но тем более глупо, с его стороны, давать человеку кличку.

Особенно донимал нас слесарь Коська, парнишка из ремесленников.

Шмакова он побаивался. Шмаков не обращал на него никакого внимания. А ко мне он привязывался, посылал то туда, то сюда. «Эй, Кроша, тащи обтирку!» — кричал он, хотя обтирку поручали принести ему. Он был слесарь всего-навсего четвёртого разряда.

Особенно любил этот Коська задавать нам со Шмаковым Петром дурацкие вопросы-загадки.

— А ну, скажите, практики, — (так он называл нас), — а ну, скажите: что работает в машине, когда она стоит на месте?

Я пожимал плечами:

— Что? Мотор.

— Мотор выключен.

— Свет.

— Выключен свет.

— Значит, ничего не работает.

— Эх ты, Кроша несчастный! Тормоза у неё работают, вот что!

— А если её не поставили на тормоз? — возражал я.

Коська хохотал:

— Как же её можно оставлять не на тормозе! Сразу видно, что вы ни черта не знаете.

И вот, чтобы утереть этому Коське нос, я принёс из дому своё «Удостоверение юного водителя» и показал его слесарям.

Я никак не ожидал, что эти права произведут на них такое впечатление.

Они просто обалдели, когда я им их показал.

Тем более что я не дал их в руки. Только показал надпись на книжечке: «Удостоверение юного водителя». Потом раскрыл и показал свою фамилию, имя, отчество и фотокарточку.

Все молодые слесари здесь мечтают стать шофёрами. При каждом удобном случае садятся за баранку. Лица у них перекашиваются от страха. Зато вылезают они из-за руля с таким видом, будто совершили полёт в космос.

То, что я, школьник, имею водительские права, поразило их.

У них и в мыслях не было, что эти права ненастоящие. Ведь они отпечатаны в типографии. Не будет же типография печатать какую-то липу.

Слесари были нормальные люди и рассуждали здраво.

Именно поэтому они приняли мои права за настоящие. И были буквально потрясены.

У Шмакова Петра не было прав. Он в своё время не пошёл сдавать экзамен. Сказал тогда: «Кому они нужны, эти детские права?!»

Теперь он жалел, что так сказал тогда. Теперь, когда он увидел, какой авторитет я сразу приобрёл этими правами, он пожалел, что не пошёл сдавать экзамен.

Но Шмаков был не так прост, как казался с виду. Он держался так, будто и у него тоже есть такие права.

Когда слесарь Коська меня почтительно спросил: «Чего ж ты не едешь, если права имеешь?», то Шмаков вместо меня ответил: «А чего к рулю рваться. Пусть те рвутся, у кого прав нету».

Из этого ответа получалось, что у Шмакова тоже есть права. Именно поэтому он не рвётся к рулю.

Я тоже держался так, будто права есть у нас обоих. Из товарищеской солидарности. Тем более что своим ответом Шмаков поставил слесаря Коську на место.

Ни у кого не возникло сомнения, что права есть у нас обоих. Наш авторитет неизмеримо возрос.

Но в последующих событиях эти права, мои настоящие и Шмакова предполагаемые, сыграли роковую роль.

3

Постепенно к нам привыкли, и мы втянулись в работу.

Нам стали доверять операции, которые полагается выполнять слесарям четвёртого разряда. Например, проверить, как закреплён передний буфер, номерной знак, стоп-сигнал, фары или смазка. Надо знать, *где, когда и чем* смазывать.

Однажды мне даже досталась работа пятого разряда: проверить и закрепить радиатор. Сначала надо внимательно осмотреть радиатор, не течёт ли, потом оба шланга, тоже не текут ли, затем осторожно подтянуть хомути-

ки. Очень сложное и ответственное дело. А его поручили мне. И оказалось, что всё сделано правильно.

Когда бригадир Дмитрий Александрович, похожий на испанца, проверял мою работу, я с безразличным видом вытирал руки обтирочными концами. Главное, не суетиться. Если ты суетишься, обязательно подумают, что ты сделал что-то не так.

Теперь мы не стояли как болваны, не таращили глаза, ожидая, куда нас пошлют. Сами знали, что надо делать.

Мы привыкли, и к нам привыкли. Руля нам, правда, не давали. Но мы не теряли на это надежды. Мы снова стали считать, что нам здорово повезло, мне и Шмакову Петру. Ребята, работавшие в цехах, были прикреплены к одному месту. А мы разгуливали по всей автобазе. То туда пошлют, то сюда — гараж связан со всеми цехами. Все завидовали нашей живой, оперативной работе.

Часто мы работали во дворе. Солнышко светит. Дышится легко. Всё видишь: кто приехал, кто уехал, кто куда пошёл, куда что понесли. Слышно, как начальник эксплуатации ругается по телефону. Словом, находишься в курсе жизни всей автобазы.

Давно ли главный инженер водил нас по цехам?.. А теперь мы здесь свои. Вахтёр даже пропуска не спрашивает.

По утрам так не хочется вставать. Но что-то толкает тебя: вставай, вставай! Нехорошо, неудобно... Опоздаешь на какие-нибудь двадцать минут, а кажется, что все работают давным-давно. Каждый на своём месте, делает своё дело, а ты оказываешься лишним. И не знаешь, что было с утра. Может, ничего не было, а может, было. Чувствуешь свою неполноценность. Дело не в дисциплине. Дело в том, что другие работают, а ты нет. Следовательно, они работают за тебя.

Лучше всего приходить минут так за двадцать, за пятнадцать. Ночная смена ещё не ушла, утренняя только

Рыбаков А.

- Р 93 Приключения Кроша : повести / Анатолий Рыбаков. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 528 с. : ил.
ISBN 978-5-389-34351-1

На произведениях советского писателя Анатолия Рыбакова выросло не одно поколение школьников. Для многих повести Рыбакова стали первыми детективами, приоткрывшими завесу в мир опасных приключений. Но главное — эти истории превратились в настоящий учебник жизни, который поможет с достоинством выйти из любой сложной ситуации.

В сборник «Приключения Кроша» вошли три повести о Серёже Крашенинникове, школьнике по прозвищу Крош. Серёжа старается жить по совести, заступает за слабых и искренне верит, что добрых и порядочных людей на свете гораздо больше, чем воров и обманщиков. Мальчику предстоит пройти через испытания и примерить на себя роль сыщика: найти на автобазе вора, разгадать тайны мира коллекционеров и установить личность героически погибшего солдата. Конечно, Крош не будет справляться со всем в одиночку: на его пути встретятся и преданные друзья, и первая любовь.

Трилогию украшают иллюстрации знаменитых советских художников Игоря Ильинского, Рафаила Вольского и Ореста Верейского, чьи работы хорошо передают атмосферу ушедшей эпохи.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым
Для старшего школьного возраста / Жоғарғы мектеп жасына арналған

Анатолий Рыбаков

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОША

Руководитель проекта Анастасия Бутина
Ответственный редактор Дарья Волкова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Валентин Бердник
Компьютерная вёрстка Валентина Бердника
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать/ Баспаға қол қойылды 11.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 32,27. Заказ №

Дата изготовления / Өндірілген күні 16.09.2026.

Срок службы (годности): не ограничен. / Қызмет (жарамдылық) мерзімі: шектелмеген.

Условия хранения: в сухом помещении. / Сақтау шарттары: құрғақ үй-жайда.

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55,	Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011

«О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)
Тауар КО ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған өнімдердің
қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-DBK-43770-01-R

16+